

няться, более активно заниматься общественной деятельностью, целенаправленно выступать за гуманизм и *справедливость*.

Идеи Нильса Бора о *моральной ответственности учёного*, как важной составляющей *этики справедливости*, призванной объединить человечество для того, чтобы совместными усилиями дать адекватный ответ на вызовы технократического развития, нашли широкий отклик как у его современников, так и в наши дни. Всем известны примеры, когда выдающиеся учёные, вынужденные в эпоху мировых войн и ракетно-ядерного противостояния «холодной войны» разрабатывать новые, всё более эффективные средства массового поражения, атомную и водородную бомбу (Р.Опенгеймер, А.Эйнштейн, А.Д.Сахаров и др.), впоследствии направили всю свою энергию на то, чтобы удержать человечество от нового крупномасштабного конфликта, стали диссидентами и правозащитниками, самоотверженными борцами за мир и *справедливость*.

В настоящее время научная общественность последовательно выступает против поспешных инноваций с непредсказуемыми социальными и экологическими последствиями (например, в области генной инженерии; опытов с рекомбинированными молекулами ДНК; связанных с морфологией человека биомедицинских исследований и т.п.). В современных условиях ни одна такого рода научная программа не может начать реализацию, если она не прошла этической экспертизы. Принцип *справедливости* предполагает разумное самоограничение неуправляемых творческих амбиций учёного (неизбежно заинтересованного в получении новых грантов, спонсорской помощи, всеобщего признания своей незаурядности и т.п.) в интересах всего человечества в глобальном измерении, с отдалённой футурологической перспективой. Нравственное чувство дополняется открытыми демократическими процедурами контроля со стороны широкой общественности, призванными обеспечить гуманистическую направленность инновационной деятельности на стыке науки, искусства, религии, морали, в соответствии с общезначимыми критериями *справедливости*.

Литература:

1. Бор Н. Избранные научные труды. В 2-х т. Т.2.- М.: Наука, 1971. – 675 с.

Мякинская А. В.

ПОКОЛЕНИЕ КАК СМЕНА СУБКУЛЬТУР ИСТОРИКОВ

Завершение XX века стало поводом для подведения итогов, для осмысления пути пройденного советской исторической наукой. В том, что этот путь был непростым и трагическим, сомнений нет, но его оценки весьма разнятся.

Историю исторической науки историографы изучают по многим направлениям: научные концепции и исследовательские школы, творчество отдельных авторов, научные проблемы и т.д. Одним из таких направлений может быть и сравнительное изучение генерации историков, которое дает новый угол зрения. То,

что тема назрела, подтверждают увеличивающиеся публикации воспоминаний советских историков.

Поколение историков объединяет специалистов, примерно в одно и то же время начавших заниматься профессиональной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью. Характерная особенность: самоопределение историка (и вообще человека) как представителя того или иного поколения – категория достаточно постоянная.

Каждое поколение историков формировалось в своей социально-культурной среде, с присущими только ей особенностями. Личности людей складывались под воздействием господствовавшей системы воспитания и обучения, политических и духовных запросов общества. Каждая генерация историков имела, как правило, общее поколение учителей.

Советская историческая наука представлена тремя полностью проявившимися поколениями историков. Первая из них объединила историков, вошедших в науку в самом начале XX века и продолживших работу уже в советской России. Это поколение включает таких историков, как Б.Д. Греков, Н.И. Кареев, М.К. Любавский, В.И. Пичета, Е.В. Тарле и др. Они составили “старую школу” историков советского периода.

Историки “старой школы” в своем большинстве являлись представителями разночинной интеллигенции, в их кругу не было женщин. Как правило, они были выпускниками столичных и ведущих провинциальных университетов. Они получили блестящее образование, изучали древние языки и владели не менее двумя иностранными языками. Нормой была игра на музыкальных инструментах.

Образ жизни непременно включал в себя ознакомление с отечественными и зарубежными книжными новинками, чтение газет и журналов, посещение театров, различную общественную деятельность, свободу от бытовых забот.

Это поколение историков отличал особый стиль общения, включавший в себя довольно тесные контакты с коллегами, активное неформальное обсуждение новых исследований, обширную переписку, ведение дневников. Историки “старой школы” сохраняли традиции патронирования учеников, приглашая их к себе домой для обсуждения проблем истории, создавая домашние научные кружки, сплачивая тем самым научное сообщество.

Конечно, после 1917 г. повседневность российского историка стала изменяться, и весьма резко. Политика большевистского правительства в отношении историков “старой школы” была стратегически нацелена на минимизацию их роли в изучении общественных наук (профессура отстранялась от преподавательской деятельности простым увольнением по политическим мотивам или вследствие реорганизации факультетов, высылались за рубеж, ограничивались возможности публикации).

Второе поколение советских историков, первое марксистское, профессионально сформировалось уже в послереволюционной России.

Эта генерация историков существенно отличалась от первой. Она сложилась из выпускников новых марксистских учебных заведений, нацеленных не только на обучение, но и на формирование единой марксистской концепции, на

подготовку “красной профессуры”, призванной сменить старую буржуазную профессуру. Более пестрая по социальному и национальному составу, включавшая уже не только мужчин, но и женщин историков, эта генерация за отдельным исключением не получила изначально столь глубокого и систематического образования. Образовательная цепочка (рабфак – ИКП или иной вуз) была весьма распространенной.

Историческая наука в восприятии и риторике историков марксистов предстает не иначе как фронт со всеми атрибутами – наличие противника, которого необходимо повергнуть, определение новых высот, которые необходимо завоевать и т.д. С поколением “красных профессоров” в историческую науку прочно вошла методология марксизма. Их предшественники строили свои исследования в основном на материалистически толкуемом позитивизме, в советское время замаскированном под марксизм. Приоритет, главенство методологии в исторических исследованиях – это уже характерная и неотъемлемая черта поколения историков марксистов.

Третья генерация советских историков начала свою деятельность в послевоенные годы (военные потери и репрессии ускорили её оформление). Историки этого поколения были людьми, сформировавшимися как личности уже в советское время. Их становление как историков проходило в послевоенные годы и хрущевскую «оттепель».

Молодая генерация отказывалась от недавно ею освоенных положений “Краткого курса”, проявляя стремление к научности и объективности. Эти историки оказались увлеченными задачей приложения к изучению прошлого страны и цивилизации ленинизма как истинного марксизма.

Свертывание оттепели привело к возникновению в среде историков послевоенного поколения конформизма, к ужесточению “цензуры собственной головы”, смягченной в годы оттепели.

Таким образом, каждая генерация историков входит в историческую науку со своим жизненным и исследовательским багажом, имеет свою индивидуальность и оставляет свой след, привнося в историческую науку только ей присущие особенности. Преемственность поколений служит залогом поступательного развития исторической науки в целом.

Назаренко В. Г., Полторецкая П. В.

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Закон отрицания отрицания дает наиболее обобщённое понимание процесса смены одних явлений и предметов другими, вскрывая внутреннюю связь основных ступеней развития, их последовательность и преемственность. В действительности поступательное развитие путём отрицания происходит противоречиво, и сущность отрицания отрицания, необходимость двойного отрицания в